

Межнациональная напряженность в Москве

Возрастной и гендерный аспекты

В последние годы уровень межнациональной напряженности на территории России несколько снизился. В течение 2002–2006 годов доли положительно и отрицательно ответивших на вопрос изменились следующим образом: «Испытываете ли Вы раздражение или неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?» Ответ «испытываю» в апреле 2002 года дали 32 процента опрошенных, в октябре 2004-го — 29, в апреле 2006-го — 21 процент. Не испытывают неприязни 65, 67 и 75 процентов соответственно¹.

¹ См. П. С. Бавин. Социальная география ксенофобии и толерантности. — «Политические исследования». 2006. № 6. С. 52.

Однако вряд ли имеет смысл говорить об устойчивой тенденции снижения межнациональной напряженности как в России вообще, так и в Московском регионе в частности. В целом межнациональная напряженность просматривается на двух уровнях. Первый — «общая» взаимная неприязнь представителей разных национальностей независимо от их пола и возраста. Но для нас более интересен второй уровень — конфликты, в которые вовлечена молодежь. Как правило, молодежная группа (в первую очередь речь идет о местных, славянских группах, но возможны и группы приезжих), инициируя конфликт, в качестве «противоборцов» выбирает также молодежную группу. Такая закономерность позволяет выводить межнациональные конфликты, происходящие в Москве, за рамки национальной нетерпимости. Помимо «национальной» составляющей необходимо выявить и другие мотивы возникновения конфликтов.

Основной темой настоящей статьи является рассмотрение гипотезы о межнациональных конфликтах в Москве, являющихся следствием своеобразного *соревнования маскулинностей* — столкновения групп, построенных на стереотипах брутальной мужественности. Образцы маскулинности, которые ценны для этих групп, обуславливают их активное, а иногда и агрессивное поведение, в том числе направленное на межгрупповые конфликты.

Мы рассматриваем только одну категорию нерусских жителей Москвы, вовлеченных в межнациональные конфликты, а именно — *жителей Кавказа*. Сюда относятся как россияне Северного Кавказа, так и уроженцы государств, расположен-

ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович — докторант (соискатель) Института этнологии и антропологии РАН, кандидат психологических наук.

ных к югу от Кавказского хребта: Грузии, Армении, Азербайджана. Выбор именно этой группы национальностей обусловлен тем фактом, что именно кавказцы традиционно считаются носителями брутальной маскулинности, предполагающей

² См. «ВЦИОМ: Межнациональные отношения в РФ немного улучшились». — <http://www.novoenmnenie.ru/lenta/194.html> специфическую мужскую активность и агрессивность. По опросу ВЦИОМ, «кавказцы» в целом (23 процента) и конкретно чеченцы (8 процентов) лидируют среди народов и национальностей, вызывающих неприязнь или раздражение².

В работе над статьей использовались две группы интервью, взятых в начале 2007 года. Первая группа — интервью с этническими кавказцами, жителями Москвы, приехавшими сюда от года до 35 лет назад. Преимущественно это мужчины. Национальный состав: осетины — 3, армяне — 2, дагестанцы — 1, карачаевцы — 1, кабардинцы — 1, грузины — 2, азербайджанцы — 2; всего — 12 интервью*. Вторая группа — русские, жители Москвы — 10 человек. Часть из них — участники групп, позиционирующих себя как противников миграции с Кавказа (члены ДПНИ, скинхеды-наци)**.

Кавказцы: мужчины в походе

Первая группа интервьюируемых — представители кавказских национальностей, проживающие в Москве.

При манипуляции обобщенным термином «кавказцы» надо учитывать, что под эту категорию подпадают люди, очень разные и по социальному статусу, и по мотивации, и по культурно-образовательному уровню, и по многим другим параметрам.

По социально-психологическим параметрам различаются прежде всего этнические кавказцы, уже долгое время живущие в Москве, и те, кто приехал недавно. В числе недавних мигрантов выделяется в свою очередь группа *молодых мужчин* 18—35 лет, прибывших в столицу с целью заработка или какого-либо иного времяпровождения. Они активны, склонны к включению в разные виды деятельности — не только трудовой, но и досуговой, обусловленной возрастом. Часть из них находится на территории России нелегально.

Рассматривая кавказцев по некоторым параметрам, будем описывать их с двух точек зрения: во-первых, русских москвичей, во-вторых, самих кавказцев. В некоторых случаях описания не совпадают: москвичи (как того и стоило ожидать от сторонних наблюдателей) мифологизируют кавказцев, создают образ, основанный на стереотипах.

* Инициалы информантов указываются после высказывания в квадратных скобках: А. Н. — женщ. 54 лет, армянка; Г. А. — муж. 50 лет, осетин; Д. Г. — муж. 55 лет, азербайджанец; Д. З. — муж. ок. 25 лет, грузин; Д. С. — женщ. 30 лет, кабардинка; И. И. — женщ. 49 лет, армянка; К. Э. — муж. 59 лет, дагестанец; Л. В. — муж. 46 лет, грузин; М. Д. — муж. 48 лет, осетин; М. И. — муж. 25 лет, азербайджанец; Н. А. — муж. 29 лет, осетин; Н. К. — муж. ок. 40 лет, карачаевец.

** Б. С. — муж. 30 лет; Г. А. В. — женщ. 39 лет; Л. С. — муж. 20 лет; Н. А. — муж. 27 лет; П. И. — муж. 32 лет; П. М. — муж. 31 года; С. А. — муж. 28 лет; У. Д. — муж. 39 лет; Ч. В. — муж. 66 лет; Ш. Б. — муж. ок. 35 лет, самозап.

Агрессивность

Хотя каждый народ Кавказа и индивидуален (имеет собственные культуру, общественный уклад, обычаи, психологический тип), тем не менее можно говорить о некоем *образе мужчины, типичном* для Кавказа в целом. Это активный, импульсивный человек, имеющий высокое чувство собственного достоинства и готовый его отстаивать. Обстановка постоянного экзамена на маскулинность типична для Кавказа, о чем в той или иной форме говорят все опрошенные мужчины; такая атмосфера является частью воспитательного процесса. Высокий уровень маскулинности как стандарт мужского воспитания ведет к формированию воинственных образцов поведения. Кавказцы, зарекомендовавшие себя как отличные солдаты в различных военных кампаниях (последняя — война в Чечне), заслужили следующих оценок: «Практически все кавказцы — либо воины, либо торговцы. Это складывалось веками»³. «Хочу сразу “доброжелателям” сказать, что злобность и мстительность абхазов — это качества, присущие в той или иной мере всем народам Кавказа, не являются отрицательными чертами характера, пороками и прочими недостатками в кавказском миропонимании и мироощущении. Главный герой для кавказца — прежде всего воин. А воин не может быть мягкотелым»⁴.

³ «Высказывание на интернет-форуме». — <http://bolshoyforum.org>. 11.12.2006.

⁴ «Высказывание на интернет-форуме». — <http://abkhazia.narod.ru/>. 22.12.2006.

Воинственность и агрессивность ведут к возникновению конфликтов. Неправильно было бы думать, что в Москве это конфликты между кавказцами и местным населением: «...драки между кавказцами тоже есть — как спичка вспыхивает» [А. Н.]. Напряженности между представителями разных диаспор соответствуют линиям межнациональной напряженности на Кавказе: между армянами и азербайджанцами, грузинами и осетинами, грузинами и абхазцами, осетинами и ингушами и т. д. У кавказцев и русских стандарты маскулинности различаются: «Кавказцы воинственны, они воины по воспитанию. А русские в большинстве своем — не воины, а, как бы это сказать, труженики, мирные люди» [Л. В.].

Эта разница стандартов маскулинности может проявляться и в ходе конфликтов: «Кавказец всегда готов к драке, всегда предполагает, что драка может случиться. Особенно те, кто приехал в Россию да еще недавно. Они тут всегда настороже. А у русских не так. Они более миролюбивы, русский пока соберется драться — уже и драка закончится. Нет, когда дело действительно дойдет до драки — тут уже неизвестно, кто кого. Но за счет постоянной готовности кавказцы, конечно, оказываются в выигрыше» [М. И.]. При этом отмечается, что в последние десятилетия вследствие комплекса причин агрессивность молодежи, приезжающей с Кавказа, повысилась. Стоит добавить, что мигранты в целом активны и конкурентоспособны. Это происходит по определению из-за того, что «едут активные; те, кто не склонен к активности, — остаются» [Д. З.].

Мигрантами становятся представители наиболее активной части общества. В советские времена нам неоднократно приходилось сталкиваться с удивлением тех, кто ездил на Кавказ: утверждали, будто в массе своей население этого

региона было не похоже по поведению на кавказцев, приехавших в Москву. Поэтому, рассуждая о маскулинной активности и агрессивности мигрантов, нельзя не согласиться с утверждением, будто «у тех, кто занят трудом, времени на агрессию не будет» [И. И.].

Поисковая сексуальная активность

Традиционно бытует мнение, будто выходцам с Кавказа присуща гиперсексуальность — особо сильное влечение к женскому полу (этот стереотип зафиксирован в фольклоре, кино, литературе).

Многие из наших информантов-кавказцев с сомнением отнеслись к этому утверждению. Однако все отметили существование определенного механизма, формирующего высокую поисковую сексуальную активность молодых кавказских мужчин, приехавших в Москву: «Северные народы более спокойно относятся к отношениям между мужчиной и женщиной. Женщинам в сравнении с кавказскими традициями позволено очень многое. <...> Русские женщины ведут себя так, как принято в России, и не более того. Но кавказцы истолковывают это иначе — как демонстрацию доступности. Отсюда, с одной стороны, возникновение сексуального желания, с другой — пренебрежение к нормам ухаживания. <...> В результате такой реакции у московской девушки создается впечатление, будто кавказец — необузданный. Следом может возникнуть или ответное желание, или чувство гадливости. А дальше подключаются московские ребята, которые за этими девушками ухаживали, — и тут начинается...» [К. Э.]

Трудно оценить, насколько велика сексуальная активность кавказских мужчин в Москве; но статистические данные говорят о брачной «охоте на москвичек», которую осуществляют активные приезжие мужчины (не только кавказцы, но и представители других национальностей): «Доля браков между уроженцами столицы в 1955 году всего 10 процентов, в 1980-м — 38, в 1995-м — 40, остальные браки заключались между коренными москвичами и приезжими. <...> В браках между русскими в последние десятилетия [расстояние между местами рождения супругов] составляет от 500 до 650 километров, а в межэтнических браках — последовательно возрастает: от 960 километров в 1955 году до 1300 — в 1995-м и более 1500 — в конце прошлого века. Столь большие расстояния свидетельствуют о широте круга брачных связей москвичей.

Другой наглядный показатель аутбридинга — увеличение доли межнациональных браков: в 1955 году — 14,7 процента, в 1980-м — 16,5,

⁵ О. Л. Курбатова. Этническая и демографическая ситуация в Москве. 20.05.2003. — «Национальные отношения — XXI век. Сборник сокращенных стенограмм научно-проблемного семинара». М. [б/г]. Цит. по: <http://www.mdn.ru>

в 1994—1995-х — 22,1, в 1999—2000-х — около 30,0 процентов. В основном это *браки русских женщин и представителей других этнических групп* (курсив мой. — Д. Г.) Если раньше в структуре межнациональных браков преобладали русско-украинские, то в 1995 году с ними почти сравнялись по частоте браки с армянами, грузинами и азербайджанцами⁵.

Религиозный аспект

Одним из аспектов, поддерживающих высокий уровень маскулинности кавказских мужчин, является ислам: «Мусульманство предполагает более высокий, чем в христианстве, статус мужчины» [Д. Г.]. С мусульманством часто связывается агрессивность, причем это относится не к мусульманству в целом, а скорее к его отдельным течениям: «Ингуши и чеченцы (молодой ислам) более агрессивны, чем дагестанцы (старый ислам). Таджикский ислам еще более толерантен, потому что наиболее древний» [М. Д.]. «В современном обществе ислам часто связывается с понятиями активности, пассионарности. Это, кстати, является одной из основных причин увлечения исламом некоторой части радикальной русской молодежи» [Д. Г.].

Показательно, что меньшей адаптивностью в Москве обладают, согласно проведенному нами опросу, именно выходцы из регионов, где преобладает ислам.

Антирусские установки

Оказавшись в Москве, мигранты с Кавказа сталкиваются с новыми для себя культурными реалиями, частично вступающими в противоречие с их установками и оказывающимися неприемлемыми.

Так, негативно характеризуются следующие качества русских вообще и москвичей в частности.

1. Неуважительное отношение к людям старшего возраста. Редкий случай противоположного мнения: «Думаю, если пожилой человек у русских ведет себя правильно, его уважают» [Г. А.]

2. Склонность к пьянству.

3. Склонность к матерной брани.

4. Отсутствие должного внимания к категории семьи («У кавказцев институт семьи имеет непреходящую ценность» [А. Н.]).

5. Недостаточная взаимовыручка.

6. Вульгарность поведения некоторых женщин (особенно молодых).

Некоторые претензии относятся к различию не столько национальному, сколько уклада, обусловленного переездом из небольшого города или аула в мегаполис.

Некоторыми из наших респондентов (впрочем, не всеми) высказывалось мнение, будто негативные моменты в поведении кавказских юношей обусловлены влиянием низкокультурной московской среды: «У меня есть знакомая, работающая уборщицей, — пожилая русская женщина. Она рассказывала, как к ним устроились два мальчика, только что приехавшие из Таджикистана. Поначалу они были очень вежливые, обращались к ней уважительно, как к старшей. Но со временем они полностью изменились — начали грубить, ругаться матом. Это потому, что на родине их поведение ограничивается определенными правилами, а здесь их ничто не сдерживает. Они же видят, что в Москве молодежь ругается матом, ни в грош не ставит старших — вот и ведут себя так же» [И. И.]. Падение нравов мигрантов объясняют не только общим падением нравов в России, но и низким моральным уровнем информации, исходящей из СМИ [К. Э.].

Концепция выбора приезжими адаптационной стратегии отражена в следующей цитате: «Да, мы находимся в своей стране и можем жить (по крайней мере, теоретически) там, где нам нравится. Но при этом мы не должны приходиться на новое место жительства как завоеватели. Приезжий всегда на виду, с него больше спрос, и чтобы добиться успеха, он должен работать больше и лучше, чем местные жители. Если их нравы, обычаи, порядки совершенно не приемлемы для мигранта, лучше просто уехать на родину. Некоторые стороны жизни в мегаполисе трудно принять человеку, получившему традиционное

⁶А. О. Булатов. Российское государство и мусульмане: основные тенденции взаимодействия и стратегии адаптации. — «Этно-журнал». 2006. № 12. *Цит. по:* <http://www.ethnonet.ru>

воспитание, к примеру представителю какого-либо из кавказских народов: равнодушие и холодность в отношениях между людьми, разрушение или ослабление родственных связей, отсутствие уважения к старшим и т. д. Но в этом случае никто не мешает сохранять в своей семье, у себя дома традиционные устои»⁶.

Провокационность/осторожность

При описании приезжих кавказцев, с точки зрения москвичей, встречаются две крайних оценки.

Согласно первой, мигранты чувствуют себя развязно, нечистоплотно, без уважения к окружающим. Причем считается, что они ведут себя так потому, что находятся на чужой территории, хотя на родине делают все по-другому: «Однажды я видела, как из подъезда нашего дома вышли два узбека, снимающих здесь квартиру, кинули под куст мешки с мусором — и пошли по делам. Когда я говорю что-то против приезжих, значит, против *таких* вот» [Г. А. В.].

Согласно другой точке зрения, кавказцы, как и приезжие вообще, очень осторожны, осмотрительны, не делают лишних, провокационных действий: «Когда я общался со строителями, у меня сложилось впечатление, будто это парни очень хитрые и себе на уме. Мы выпивали, много беседовали, с одним аж братались, причем по его инициативе, но при этом они много о себе не рассказывали, было видно, что боятся сболтнуть лишнего — мало ли что. И я их понимаю — у них такое положение, что надо быть осторожным» [У. Д.].

Что касается первого подхода, думать, нельзя не согласиться с мнением одного из наших респондентов: «И русские есть, которые мусор из окна выбрасывают, и приезжие. Это зависит не от национальности, а от уровня культуры» [Н. А.]. Второй вариант описания представляется более верным, что подтверждает и большинство опрошенных. Действительно, для приезжих (особенно оказавшихся в Москве недавно) более типично осторожное, осмотрительное поведение, они — «настороженные и недоверчивые» [А. Н.]. К слову сказать, именно такое поведение наложило специфическое ограничение на методику нашего исследования, сделав малоэффективными прямые интервьюирования на улицах, рынках, на стройках и заставив акцентировать внимание на экспертные оценки кавказцев, проживших в Москве уже достаточно долгое время и включенных в миграционный дискурс уже в меньшей степени.

Поведение в драках

Из вышесказанного вырисовывается следующий образ кавказского мужчины-мигранта. Еще раз подчеркнем, что сказанное типично не для всех, но для части мигрантов — той, что и *оказывается наиболее задействованной в межнациональных конфликтах*.

Мигрант — молодой мужчина, оказавшийся в условиях инокультурного окружения, что обусловлено как переездом в другую этническую среду, так и перемещением в непривычные жизненные условия (из аула или маленького города в мегаполис). У мигранта высока склонность к «воинственной» маскулинности, что обусловлено следованием национальным традициям и особенностям воспитания. Он импульсивен, вследствие чего достаточно легко провоцируется на конфликты. Имеет установки на защиту собственного мужского статуса и «доказательство» собственной маскулинности в повседневной жизни.

Мигрант склонен к поисковой сексуальной активности, вызванной его молодостью, «походным» состоянием, повышенной маскулинностью и несовпадением национальных установок, связанных с сексуальностью. В ряде случаев (например, вследствие антирусской пропаганды на родине) мигрант имеет негативные установки и склонен к агрессивности. Эти установки резонируются возможным несовпадением собственного (обусловленного этничностью) мировоззрения и системы ценностей с мировоззрением и системой ценностей жителей Москвы. Иногда играет роль негативный опыт, полученный в общении с москвичами.

Установки мигранта на активность и конфликтность могут быть связаны с исламским фактором.

Поведение мигранта, как правило, характеризуется повышенной «настороженностью и недоверчивостью» человека, находящегося в чужеродном окружении.

Все сказанное рисует образ «мужчины в походе» — достаточно воинственного и имеющего потенциальную склонность к конфликтности. Стоит добавить, что Кавказ, в течение последних десятилетий неоднократно становившийся зоной боев и военной напряженности, действительно способен поставлять мигрантов с опытом участия в войне. Реально и то, что мигранты с «воинскими» установками склонны к включению в деятельность, имеющую военизированный характер (в условиях современного российского города эта деятельность, как правило, криминальная). Описания конфликтов, имевших место на московских улицах, показывают, что кавказцы, ставшие жертвами нападения, часто оказываются достойными соперниками и даже наносят нападающим урон.

Оказавшись в России, молодые кавказские мужчины часто включаются в ситуацию, которую мы назвали бы *соревнованием маскулинностей*, иногда заявляя об этом напрямую: «Вспоминаю два конфликта с кавказцами, в которых звучала фраза типа: “Если ты мужчина — давай драться”. Первый случай в 1987 году — в горах Чечни к нашей группе пристало несколько чеченов. Задрались на драку. Мы драться не хотели, а чечены подначивали: вот, мол, давайте, *как мужчины с мужчинами*; вот, у вас девушки — вы перед ними себя покажите. В другом эпизоде я сам не участвовал — видел со стороны. Поздно ночью

в автобусе ехали два нерусских (не знаю, кто они были по национальности, но один летом был в меховой шапке, совсем дикий). И выходя на остановке, они как-то задели двух парней, стоявших у выхода. Потом (с улицы) один злобно кричал: «Эй, выходите, *если вы мужчины!*» Русские не вышли, но один из них, маленький, интеллигентный, потом долго переживал, а другой успокаивал его: мол, с кем ты хотел связаться — это ж чучмеки» [У. Д.].

Аналогичные примеры апеллирования кавказцев к маскулинности противника приводили и другие участники опроса.

Культурно-исторический контекст

Экстремальное поведение кавказской молодежи, в частности поездки в российские города, рассматривается многими исследователями как действие, встроенное в длительную традицию создания мужских сообществ воинского типа.

⁷ См., например: Ю. Ю. Карпов. Так, этнограф Ю. Ю. Карпов, автор ряда исследований, посвященных традиционным мужским сообществам Кавказа⁷, указывает, будто поездки молодых кавказцев «на добычу» в Россию укладываются в контекст издревле практиковавшихся на Кавказе военных набегов. Речь идет о «комплексе “джигитства” (который длительное время полноценно функционировал среди населения Северного Кавказа) — регулярных походах юношества и мужчин молодого возраста на соседние территории. <...> При невозможности найти себе применения на родине и сохранении привлекательности социокультурного клише “похода” процветает практика отъезда молодежи горных районов Кавказа в крупные города России»⁸.

⁸ Ю. Ю. Карпов. «Горские сезоны» в современном большом городе. — «Мужское в культурном контексте города. Материалы научной конференции (СПб., 22–24.04.2004)». М., СПб., 2004. С. 24–25.

Аналогичные мысли высказывает и В. А. Дмитриев: «Нет оснований говорить о сохранении в современных кавказских обществах традиции мужских союзов в

⁹ В. А. Дмитриев. Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру. — «Россия и Кавказ: история, религия, культура». СПб., 2002. Цит. по: <http://www.etnosfera.ru>

¹⁰ М. А. Текуева. «Корпоративные мужские объединения на Кавказе сегодня: от экстремальности к экстремизму». — «Мужской сборник». Вып. 3. «Мужчина в экстремальной ситуации». М., 2007. С. 136.

сколь угодно целостных формах. Но ее наследие проявляется достаточно зримо. <...> Наследие рассматриваемой традиции можно увидеть в практике братств-землячеств выходцев с Кавказа, обосновывающихся в крупных городах страны. В современных условиях бытуют представления, будто для молодых людей до 28–30 лет нормально проводить время/жить вдали от родных мест, но к указанному возрасту они должны вернуться в отчий дом для обзаведения семьей и налаживания жизни “остепеневшихся” мужчин»⁹. Аналогии современных боевиков с традиционными мужскими союзами Кавказа проводит и М. А. Текуева¹⁰.

Переноса сказанное на современную ситуацию, а именно — на Московский регион, можно констатировать, что ежегодно с Кавказа мигрирует в столицу большой контингент молодых активных мужчин с высоким уровнем маскулинных установок. Хотя большинство из них не имеют склонности к криминальной деятельности, но в целом эти «мужчины в походе» оказываются потенциальным источником напряженности.

Русские: члены мужских молодежных группировок

Молодые активные мужчины с Кавказа, приехавшие Москву, оказываются в ситуации межкультурного напряжения. Их деятельность воспринимается определенной частью общества негативно. Уровень национальной нетерпимости в Москве выше, чем в среднем по России. По данным П. С. Бавина, процент «ксенофобов» (респондентов, не скрывающих неприязни к лицам иной национальности и одобряющих любые направленные против них действия властей) по Москве больше, чем по России (26 против 19 процентов). По данным этого опроса, «ксенофобов» в Москве оказалось больше, чем «толерантных» (респондентов, декларирующих отсутствие национальной неприязни и не поддерживающих действий властей, направленных против мигрантов) — 26 против 23 процентов¹¹.

¹¹ П. С. Бавин. Социальная география ксенофобии и толерантности. — «Политические исследования». 2006. № 6. С. 39—40.

Любая социальная напряженность, как бы ни оценивать ее с точки зрения морали, возникает на основе объективно существующих причин. Приток мигрантов в Москву вписывается в ряд существующих в обществе проблем.

Объективные причины негативного отношения к мигрантам

С. В. Беликов, пользуясь материалами ультраправой националистической прессы, составил следующий перечень претензий к «цветным» мигрантам:

«1. Захват чужого жизненного пространства. “Цветные”, по мысли скинхедов, пользуются благами, на которые не имеют права...

2. Вытеснение с рынка труда коренного населения. Захват рабочего места, согласие работать за меньшую плату и в худших условиях, чем “коренное” население (отказ от социальных гарантий, льгот и т. п.).

3. Организация своего бизнеса. Создание “своих” рабочих мест, как правило, занимаемых или “земляками”, или близкими родственниками. В некоторых случаях — монополизация каких-либо видов деятельности, например мелкооптовой и розничной торговли.

4. Вытеснение местного населения из общественных сфер деятельности. Занятие важных, а соответственно, и высокооплачиваемых постов в обществе. <...>

5. Насаждение своих порядков. Неуважение к местному законодательству, традициям и нормам поведения. Стремление решать значительную часть проблем “по-своему”, часто — посредством “договоренностей”, взятки (“бакшиш”), поощрение родоплеменного кумовства.

6. Разрушение национальных культурных традиций. <...>

7. Разрушение генофонда коренной нации (расы). Смешанные браки между людьми, принадлежащими к разным нациям (расам), и как следствие — утрата национальной идентичности, основных национальных признаков (для славянской этнической группы: европейских (славянских) черт лица, светлой кожи, светлого и светло-русого окраса волос).

8. Плодовитость. Создание многодетных семей при полном или частичном отсутствии условий для нормального проживания, питания, образования. Тре-

вога, что большое количество детей “некоренного” населения в дальнейшем будет конкурировать с “местными” во всех сферах жизнедеятельности.

9. Увеличение числа асоциальных групп за счет приезжих. Отсутствие возможности самореализации в качестве рабочей силы для большинства “приезжих” и как следствие — криминализация общества, появление большого числа маргиналов. Несоблюдение санитарных норм, бомжевание, нищенство и попрошайничество, ведущие к распространению опасных инфекционных заболеваний.

10. Создание криминогенной обстановки. Участие в противоправной деятельности: организация этнических преступных сообществ, самое активное

¹² С. В. Беликов. Скинхеды в участие во всех видах криминального промысла, в том числе в наркоторговле, проведении терактов и т. д.»¹²

Большое влияние на негативное отношение к кавказцам оказали война в Чечне и связанные с ней террористические акты.

Л. С., руководитель одного из подмосковных отделений ДПНИ, в целом подтвердил актуальность этого списка, отметив, что он адекватно отражает идеологию межнационального противостояния.

В дискуссиях, посвященных проблеме миграции, часто отмечается, что на нее надо смотреть во временной перспективе: если сейчас миграционный поток еще недостаточно велик и потому малоопасен, то со временем количественные изменения могут перерасти в качественные, что приведет к возникновению неуправляемых межэтнических конфликтов аналогичных косовскому или недавним волнениям в арабских кварталах Парижа.

Как свидетельствуют результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) от 30—31 июля 2005 года, «претензии опрошенных, испытывающих неприязнь в отношении представителей других национальностей, состоят в нежелании тех считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России (отмечают 23 процента респондентов, среди москвичей и петербуржцев — 33); 22 процента россиян видят в представителях других национальностей конкурентов на рынке труда; 15 — опасаются угрозы террористических актов,

¹³ «ВЦИОМ: Межнациональные отношения в РФ немного улучшились»@. — <http://www.novoenmnenie.ru/lenta/194.html>

14 процентов россиян (среди жителей обеих столиц меньше — 9 процентов) испытывают неприязнь к представителям других народов на физиологическом уровне: им не нравятся внешность, манера поведения и черты характера “чужих”»¹³.

¹⁴ «ВЦИОМ. Всероссийский опрос 23—24.10.2004». *Цит. по:* «Этносфера@». 2004. № 12.

Уровень ксенофобии среди молодежи несколько выше среднего. Мнения, будто молодежи свойственна неприязнь к другим национальностям, придерживается 31 процент россиян 18—24 лет¹⁴.

Типы группировок, включенных в конфликт

Когда заходит речь о проявлении прямой агрессии жителей Москвы в отношении мигрантов, как правило, имеются в виду молодые люди.

Рассмотрев молодежные группировки, вступающие в межнациональные конфликты, можно заметить, что все они имеют общий признак — следование

высоким стандартам маскулинности. Выясняется: потоки кавказских мигрантов с высокой маскулинностью сталкиваются в Москве с аналогичными группами местных молодых людей. Если у выходцев с Кавказа маскулинность обусловлена воспитанием и состоянием «похода», то у русских юношей ее причины — в особенностях поведения в «экстремальных» молодежных сообществах.

Наиболее известная группа, включенная в межнациональные конфликты, — скинхеды-наци. Когда речь заходит о ксенофобии в молодежной среде, вспоминают именно о них. Идеальный образ скинхеда-наци — непобедимый борец с инородцами и врагами России. Он физически силен, храбр, агрессивен, мужествен, в отношениях с женщиной придерживается сексистской позиции.

Идеализированный скинхед — «белый воин». В этом отношении показателен роман Д. Нестерова «Скины», в котором описываются идеальные, «правильные» скинхеды: романтичные бойцы, всегда готовые к драке, беспощадные к врагам, верные мужской дружбе и неотразимые в любви¹⁵. Скинхеды романтизируются как борцы с вторжением

¹⁵ См. Д. Нестеров. Скины: Русь пробуждается. М., 2004.

извне: «Хамство и наглость пресекаются малолетними мальчишками, а взрослые дяди заняли высокие посты, но не могут остановить беспредел иностранцев» [Ш. Б.].

Доблесть в драке — основополагающее качество; достаточно сказать, что комплекс одежды скинов построен по признаку удобства в драке — тяжелые ботинки и ремни с массивными бляхами (и то, и другое удобно для нанесения ударов), куртка с маленьким воротником (чтобы противнику нельзя было за него ухватить; этой же причиной мотивируется и короткая стрижка).

Следующая группа, способная выступить в качестве участника межнациональных конфликтов, — футбольные фанаты. Строго говоря, межнациональная вражда не является частью субкультурной идеологии. Однако спортивные болельщики представляют собой активную и потенциально агрессивную группу: «Субкультура фанатов оппозиционна по отношению к общей культуре общества и имеет довольно значительный потенциал агрессии»¹⁶.

¹⁶ А. Илле. Футбольный фанатизм в России: Фан-движение и субкультура футбольных фанатов. — «Молодежные движения и субкультуры Петербурга». СПб., 1999. С. 173.

Фанаты тесно связаны со скинхедами¹⁷: «Не каждый футбольный фанат — скинхед, но каждый скинхед — фанат»

¹⁷ См. С. В. Беликов. Скинхеды в России. С. 103—106.

[Л. И.]. Данная субкультура — почти исключительно мужская. Одна из положительных характеристик фаната — умение отстоять честь своей команды кулаками. Многочисленные перемещения по стране (выезды на игры своей команды в другие города, что является важной частью субкультурной деятельности¹⁸) дают болельщику навыки экстремального

¹⁸ См. А. Илле. Футбольный фанатизм в России. С. 168.

«походного» поведения. Действия в группе в дни матчей и особое взвинченное состояние делают фанатов склонными к конфликтности. Соответственно: «Когда день футбольного матча — у нас у всех омерзительное ощущение тревоги. Просим своих, особенно молодежь, из дому не выходить. Это же толпы обезумевших молодых людей — от них всего можно ожидать!» [И. И.]

И скинхеды, и футбольные фанаты — выходцы из уличных «пацанских» группировок, возникающих по месту жительства или обучения.

Известны случаи столкновения с кавказцами солдат срочной службы. Так, один из наших респондентов рассказал о конфликте, произошедшем в небольшом городе, где он служил: «Был случай, когда кавказцы порезали нашего солдата — из-за девушки, кажется. И 200 человек наших пошли в самоволку, в город, бить кавказцев. Но их кто-то предупредил, поэтому все заранее попрятались — на рынке было вообще пусто. К солдатам вышли кавказцы, те, кто постарше, и начали говорить: мы не знаем, кто это сделал, мы люди мирные, мы никого не трогаем. Они вообще умеют заговаривать зубы и казаться хорошими. Наши ушли в часть, а вечером снова было нападение на солдата. Поэтому я черным и не верю» [С. А.].

Из интервью с преподавателем одного из московских военных вузов: «Солдаты и курсанты, как правило, очень дружно выступают в защиту своих. У них дисциплина, взаимовыручка, они вообще крепкие парни. В военном училище, где я сейчас преподаю, знаю, было несколько ситуаций, когда вся рота уходила на разборки. Кого-то из курсантов обижали, и все поднимались, чтобы за него отомстить. Знаю три таких случая. Один раз выезд предотвратил командир роты: он случайно встретил курсантов в метро и завернул их в расположение части. Еще дважды вся рота снималась ночью: выходили за КПП и отправлялись на драку. Все три раза драки были с черными, но причина конфликтов крылась не в национальности — это была именно месть за нападения на своих» [Ч. В.].

«Возрастная» конфликтность зачастую является фоном для столкновений другого рода. Так, один из наших информантов справедливо заметил, рассказывая о конфликтах молодых горячих кавказцев с милицией: «...менты — они ведь тоже молодые» [К. Э.]. Таким образом, столкновение милиционера и правонарушителя приобретает еще один смысловой уровень — столкновение молодых мужчин, чье поведение обусловлено помимо прочего возрастными особенностями.

Рассматривая перечисленные молодежные группировки, вступающие в межнациональные конфликты, видим, что по ряду признаков они похожи:

- перечисленные объединения — мужские (юношеские); при этом участие в них может быть как добровольным (неформальные группы), так и принудительным (армия);
- в объединениях поощряется высокий уровень агрессивности, «драчливости»;
- объединениям свойственна эстетика brutальных мужских сообществ;
- маскулинный статус здесь, как правило, нуждается в постоянном подкреплении; например, в серьезных объединениях скинхедов лояльность подтверждается систематическим участием в акциях и драках [Б. С.]; жизнь в воинском коллективе предполагает постоянное подтверждение собственного статуса в армейской иерархии.

Как можно заметить, все пункты данного списка имеют аналогии в первой части статьи, где говорится о мужском менталитете кавказцев.

Поисковая сексуальная активность

Остановимся подробнее на одной из составляющих молодежного маскулинного поведения — поисковой сексуальной активности.

Причиной межгрупповых молодежных конфликтов часто оказываются девушки. Выше мы писали о поисковой сексуальной активности молодых кавказцев. В не меньшей степени она проявляется и у молодых москвичей; в контексте рассматриваемой нами темы эта активность имеет характер ревности по отношению к кавказцам. «Когда раньше говорили о кавказцах, приезжавших в Москву, всегда звучала фраза типа: “И че они к нашим девушкам-то пристают?” Сейчас, наверно, у молодежи тоже так» [У. Д.].

«Ехали, значит, в общественном транспорте, впереди сидели личности кавказской наружности, то есть хачики. И адын хачик весьма небритого состояния (да и вообще мерзко довольно-таки выглядел) обнимал блондинку — нашу. Я сам по себе космополит... но у меня вызвало это отвращение и злость»¹⁹.

¹⁹ Высказывание на интернет-форуме <http://forum.ufimka.ru>. 17.02.2007.

Уделяет внимание спору из-за девушек и «Азбука славянских бритоголовых»: «Многие из инородцев вступают в межрасовые браки, производят неполноценных унтерменшей и портят генофонд нации. На те деньги, которые они наворовали и отобрали у нас, русских, эти твари покупают наших девушек. Потом инородцы их насилюют и развращают, пользуются ими как рабынями, после чего обычно бросают... Если “нерусский” (особенно негр, азиат или кавказец) идет с белой русской девушкой, бритоголовый обязан напасть на него при малейшей возможности и жестоко избить»²⁰. Таким образом, конфликты «из-за девчонок» переводятся в плоскость идейной борьбы, связанной с чистотой расы. Девушка, отдавшая предпочтение не русскому юноше, а инородцу, объявляется предательницей интересов собственного народа.

²⁰ Салазар. Азбука славянских бритоголовых. Цит. по: <http://leviy-ru.narod.ru>

Из интервью с русским парнем, уроженцем Восточной Украины, работающим по найму в Москве: «Недавно сидел в кафе и видел такую сцену. Вошли два кавказца с русской девушкой. Вошли, ничего не заказали и как-то быстро ушли. Но как на них смотрели! За соседним столиком пацаны — думал, в драку кинутся! И еще два солдата там были. С такой ненавистью смотрели!» [П. М.] Респондент и сам явно волновался, рассказывая об этом эпизоде. Было видно: он полностью на стороне русских посетителей кафе и испытывает неприязнь к кавказцам и русской девушке, отдавшей им предпочтение. Интересно, что в данной ситуации московское кафе стало местом, где сошлись представители мужских сообществ, находящихся «в походе» и лишенных женского общества: русский иногородний рабочий, солдаты срочной службы и кавказцы (если они не были постоянными жителями Москвы).

Культурно-исторический контекст

Как у кавказцев «походная» активность имеет аналоги в традиционных формах организации молодежной активности, так и у «маскулинных» групп

русской молодежи можно найти аналогичные историко-культурные прототипы. Агрессивное поведение проявлялось в традициях деревенских и городских драк, широко известных по этнографическим материалам XIX—XX веков. Можно указать и исторически более близкую форму молодежной самоорганизации — уличные молодежные группировки.

Рассматривая уличные объединения разных городов Советского Союза, мы обнаружили большое количество сходных черт в том, что касается формирования уличных групп, иерархии статусов, выбора мест для тусовок и драк, мотивации проведения драк, закономерностей раскручивания конфликтов, регламентации использования оружия, подбора одежды, выработки имиджа, формирования кодекса чести, перечня ограничений на насилие, ритуалов начала драки, распределения ролей в драке, закономерностей примирения и т. д. Каждый подросток, претендующий на членство и высокий статус в уличных компаниях, оказывался вовлеченным в бурную экстремальную деятельность, связанную с межгрупповыми конфликтами.

В 1990-е традиции уличных групп претерпели зловещее изменение: сравнительно безобидные компании драчунов оказались востребованными в новых социальных условиях и превратились в молодежные бандформирования.

«Бригады» «братвы» во многом сохранили традиции советских уличных компаний, сходство можно найти во многом, начиная от лексикона и заканчивая способами разрешения конфликтов. Основу бандформирований 1990-х составляет поколение, чей возраст в 1990 году достигал 16—22 лет²¹.

²¹ См. В. В. Волко. Силовое предпринимательство в современной России. — «Экономическая социология». 2002. Т. 3. № 1. С. 41.

В настоящее время уличные компании российских городов изменились. Стало меньше территориальных групп, но больше объединенных по «идейному» принципу («неформальных объединений»). Хотя в целом традиция сохранилась. При этом в сравнении с раскладкой уличных сил XX века набрала вес новая конфликтующая группа — мигранты с Кавказа.

Подводя итоги, отметим, что, хотя межнациональная напряженность в современной Москве обусловлена комплексом социально-экономических причин, в то же время, имеет характер *соревнования маскулинностей*. С обеих сторон в конфликте задействованы группы молодых мужчин; им свойствен высокий уровень брутальной маскулинности. Один из смысловых уровней данных конфликтов — *противостояние, обусловленное возрастной экстремальной активностью его участников*.

